

СКУКИ РАДИ

I

Я сел в вагон в самом скверном расположении духа, - ехать в путь, когда не хочется, скучно; ехать на лечение - еще скучнее... но чувствовать себя ко всему этому совершенно здоровым... этого и выразить нельзя...

Быть не в духе, скучать, капризничать можно, когда кто-нибудь этим огорчается, занимается, когда кто-нибудь развлекает, а сидеть в вагоне и знать, что никому дела нет до этого, что никто не обращает внимания, это выше сил человеческих.

Я попробовал придрататься к соседу за то, что у него дорожный мешок велик, и нарочно сказал ему: "Ваш чемодан мне мешает". Дурак извинился и переложил с кротостью мешок на другое место.

Поэты говорят, что вынести они могут многое, но что им надобно пропеть свое горе... Пропеть кому-нибудь - петь без уха слушающего так же трудно, как легко петь без голоса... Уха-то, уха пригодного у меня не доставало. "Впрочем, - подумал я, - поэты для большего удобства поют чернилами, а я буду капризничать карандашом..." Затем я вынул из кармана только что купленный "Memorandum" и еще раз окинул взглядом соседей. Их было четверо - четыре в четырех углах. Когда это они успели забиться, сейчас нас спустили из *salle d'attente* [зала ожидания (фр.)]. Что за безобразные рожи! Надобно правду сказать, род человеческий некрасив. Через две станции трое вышли, и, едва я успел броситься в угол, вз-ошли трое других, еще хуже, - так и видно, что череп им жмет мозг, как узкий сапог, что мысль их похожа на китайские ножки, на которых ходить нельзя, - слаба, мала, тесна... А жиру вволю. Средний класс во Франции очень потолстел за последние двадцать лет.

Впрочем, на каком же основании ждал я Аполлонов Бельведерских в случайном наплыве, который зачерпывала железная дорога *chemin faisant* [попутно (фр.)], почти не останавливаясь.

Красота вообще редкость; есть целые народы из меньших братии, у которых никакой нет красоты, например, обезьяны с своими ирландскими челюстями, молодыми морщинами и выдавшимися зубами, лягушки с глазами навывкате и ртом до ушей... Да и часто ли встречается красивая лошадь, собака? Одна природа постоянно красива, потому что мы на нее смотрим издали, с благородной дистанции; к тому же она нам посторонняя, и мы с ней не ведем никаких счетов, не имеем никаких личностей, смотрим на нее как чужие и просто не видим тех безобразий, которые нам бросаются в глаза в человеческих лицах и даже в звериных, имеющих с нашими родственное сходство. А присмотришься к лицам и, при всем их безобразии, не отвернешься. Лицо - послужной список, в котором все отмечено, паспорт, на котором визы остаются. И как это все умещается между темем и подбородком, все, с малейшими подробностями, иескромностями и обличениями, все вываяно бедными средствами мышц, жира, оболочек и костей! Недаром мне Фан-Муйден говорил: "Чем больше я рисую, тем больше меня занимают лица, одни лица, головы, физиономии; что за неисчерпаемое богатство оттенков выражений" - "и невольных исповедей", - прибавил я.

Решительно, я слишком строго осудил тесные лбы, теснящие черепа, толстые носы, глупые глаза, ненужные усы, - все оттого, что был не в духе. Очень много уже бед было со мной еще до вагона. Перед самым отъездом оторвалась пряжка у чемодана. Господи, как смешно, беспомощно стоит наш брат перед такой бедой... Если б нас между Расином и Шиллером немного учили шилу да игле, взял бы да починил, а тут комическое отчаяние и мрачные рассуждения. Только что я успокоился на том, что без пряжки можно обойтись, стоит запереть чемодан, - ключ пропал! Сейчас был здесь, вот на этом столе, как теперь вижу; перерываю, перебрасываю все - ключа нет, и я, утомившись, сел на стул, самоотверженно скрестив руки на груди. Рази, мол, судьба, если еще есть стрела.

Какое счастье было в старые годы, когда при ремне, при ключе состоял камердинер, и на нем можно было взискать, аачем перегорел ремень и зачем сам потерял ключ. Ничего не может быть вреднее для здоровья, как именно то, что нельзя выместить на комнибудь беду, - поди тут и берегись.

Лонже, знаменитый физиолог, Лонже *de l'Institut*, его авторитета не отведет никто, раз подымался со мной в Монпелье, по улице, идущей вверх от Медицинской школы.

- Куда вы торопитесь? - сказал он мне, останавливаясь. - Не у всех